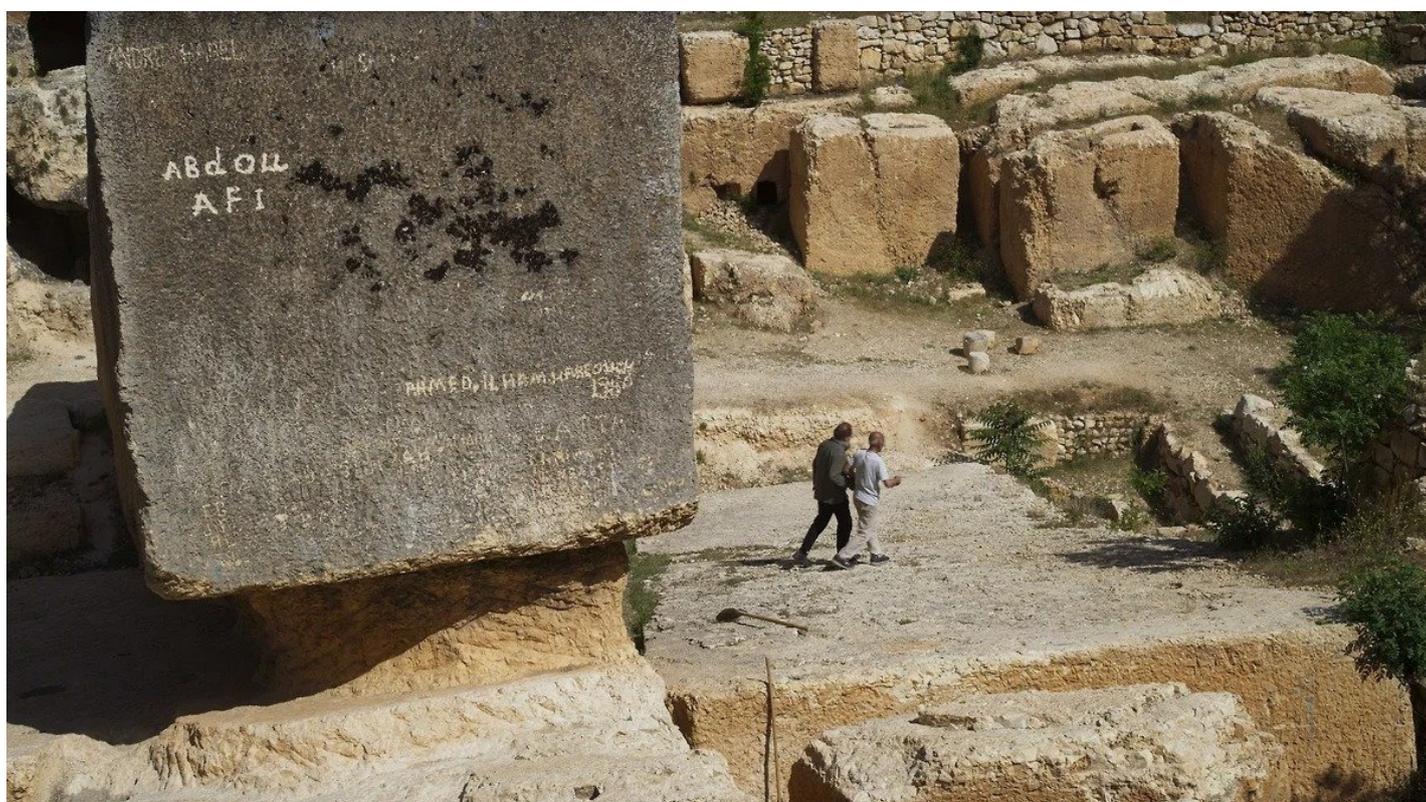

«Что случилось с солнцем?»

Громкая премьера на Берлинале — фильм выдающегося режиссера-документалиста Виктора Косаковского «Архитектон»

Кадр из фильма «Архитектон»

08:11, 20 февраля 2024,

Лариса Малюкова

обозреватель «Новой»

На Берлинале в Основном конкурсе состоялась мировая премьера «Архитектона», фильм режиссера-документалиста Виктора Косаковского. Совместное немецко-французское производство — третья часть режиссерской трилогии «Эмпатия» о нарушенных границах между человечеством и природой. А если точнее: о необратимо изменяющейся на наших глазах природе цивилизации.

Первые два фильма — «Да здравствуют антиподы!» и «Акварель».

«Архитектон» даже не совсем фильм и не документальное расследование, скорее — редкого эмоционального воздействия произведение аудиовизуального искусства. Неистового драматизма мультисенсорный опыт, просмотр которого легко могу вообразить где-нибудь в MoMA. И музыка Евгения Гальперина с симфоническим развитием, системой лейтмотивов, увертюрой и кодой столь же важна, как и незабываемые кадры — с живой стихией камней. Живых и мертвых. Прогретых солнцем до прожилок. Величественных. Превращаемых в руины. В пыль. Или в страшные камнепады. В море камней с десятым валом волн.

- Кино не про архитектуру — про способность цивилизации сберечь себя.
- Не про проблемы урбанизма.
- Про человечность.
- В нем бьется беспокойство о сохранении рода человеческого.

Практически без объяснений и комментариев картина создает образ современного мира, плененного и уничтожаемого. Среди подсказок цитата на камне прекрасного поэта рубежа XIX и XX веков Джованни Пасколи «Что случилось с солнцем, почему в этот день оно погасло?».

Режиссер Виктор Косаковский на съемках фильма «Архитектон». Фото: filmz.ru

Завораживающие образы разноцветных скал, раскуроченных ненасытными искателями сырья. Невообразимые природные (и рукотельные) катаклизмы. Камни сначала спят под солнцем, потом начинают шевелиться, толкать друг друга, начинается чудовищный грохочущий камнепад. Словно на нас летят камни. И не увернуться. Просто какой-то шторм, девятый вал, волны падают и поднимаются вверх. Потом вообще кажется, что вся эта живая каменная стихия бурлит под водой... пока сквозь эту бурю не проступают облака. И снова тишь и благодать.

Много съемок разбомбленных домов, в том числе в Украине. Здания, пострадавшие от землетрясения в Турции, останки 2000-летнего

римского храмового комплекса Баальбека в Ливане. Архитекторы и искусствоведы до сих пор не понимают, как же это было построено?

А еще очень много давным-давно брошенных домов, сквозь которые проросла живая листва, спрятав уродство осыпавшихся мертвых и мертворожденных блочных зданий. Цемент крошится, бетон недолговечен. Все эти многомиллионные ульи построены временщиками. Все они скоро превратятся в громады, горы мусора и грязной пыли. Останки этой «рухляди» разбивают специальные машины разрушений. Пыль оседает на стекле камеры, кажется, в наших легких.

А рядом шедевры, оставшиеся нам в наследство от прошлых эпох. Плато в Афинах, на котором Сократ вел свои диалоги. Одинокие колонны, пирамиды, арки, опоры, вечные каменные каскады Южной Америки, строения Византии, Древней Греции, Рима. Шедевры искусства каменотесов. Как они это строили? Возводили до неба. Как поднимали в воздух многотонные камни? Резали их.

Вот она: умирающая неактуальная прекрасная культура. Ее природная красота, вписанная в красоту окружающего мира, слитая с ним воедино. И кажется, что камни танцуют. Потом, правда, выясняется, что это их предсмертный танец. Потому что люди не слишком обременяют себя сохранением культурного достояния.

В фильме поразительная съемка оператора, художника и экспериментатора Бена Бернхарда («Все что дышит»), способного сочинять впечатляющие поэтические образы с помощью съемки разными кинообъективами, с использованием различных фильтров, медленного и обычного панорамирования, созданием многослойности за счет игры с

глубиной резкости. Замершую вековечную тишину космических пейзажей невероятных соцветий (сколько цветов у камня?) разрывают яростные землетрясения.

Вообще удивительным образом Косаковский соединяет в своих картинах романтизм, философичность, бескомпромиссность, свойственную подлинному искусству (которое не оглядывается на сиюминутные интересы зрителей) и мощный публицистический посыл.

Виктор Косаковский на пресс-конференции. Фото: Лариса Малюкова / «Новая газета»

На пресс-конференции режиссер говорил: «Здания из бетона служат 40–50 лет. В Великобритании разрушили 50 000 зданий только в прошлом году! И так по всему миру. А сколько еще полуживых строений с осыпающимся бетоном: учреждения, школы, и больницы».

Косаковский сокрушается об идее «устойчивой архитектуры». Ее больше нет: «Чтобы производить цемент, мы разрушаем прекрасные горы. Небольшому цементному заводу требуется 26 тонн угля в час, он работает 7 дней в неделю — днем и ночью. В прошлом году мы произвели достаточно цемента, чтобы построить стену толщиной в один метр и высотой в тысячу метров вокруг экватора!»

Спич Виктора Косаковского — глас идеалиста в пустыне конформизма. Но он продолжает долбить эту стену, в том числе с помощью киноискусства. Объяснять на пресс-конференции снова и снова:

«Катастрофа — то количество цемента, которое мы производим. Устойчивой архитектурой занимались в древности».

А идея фильма возникла во время пандемии. Именно тогда режиссер обратил внимание на район, с которым жил по соседству, Темпельхоф, известный по аэропорту, который закрыли в 2008 году. Теперь это огромное открытое пространство внутри столицы. Такая гигантская, наполненная воздухом просторная площадь, тогда берлинцы сплоченно боролись за то, чтобы его не застраивали небоскребами, молами. Понимая, что это свободное пространство от торговцев будет жить недолго, режиссер начал опрашивать архитекторов мира, какие у них идеи для одушевления территории, которая на протяжении нескольких лет холодной войны была воздушными воротами Берлина. Известный итальянский архитектор Микеле де Лукки, как и многие берлинцы, предложил оставить это место в покое: «Давайте превратим его в символ того, чего мы не трогаем, чтобы самим себе напомнить, что мы всего лишь часть природы». Микеле де

Лукки — герой фильма. Он, как чудаковученый Паганель, бродит меж древних строений, поглаживая их и простукивая. Слушая, как доктор. Исследуя. Пытаясь понять их загадку. Во дворе своего дома из камней с помощью рабочих он строит большой магический круг — как идеальную форму, глубинный образ осознания жизнепотока, обозначающий непрерывность, совершенство и исток мироздания. «А что ваши потомки сделают с этим вашим кругом?» — спрашивает его автор фильма. Но архитектор не собирается никого учить, даже потомков. Ему хочется просто дать им возможность задуматься над тем, что с нами, сегодняшними людьми, происходит. А как потомки решат воспользоваться этой возможностью — их дело.

Каждый год разрушаются тысячи и тысячи зданий. И перед финалом мы видим эти бесконечные, бесконечные горы мусора. Наследство будущим поколениям. Наши пыльные останки.

На пресс-конференции Виктор Косаковский не столько отвечал на конкретные вопросы, сколько вызвал к разуму мировую общественность:

«Сегодня пластик, бетон и шопинг-религия вытесняют из городов культуру. Раньше в центре города был собор с куполом, уходящим в небо, связанный с небом. Там были витражи с солнцем внутри стекла, кружевные орнаменты, которые вырезали гениальные каменотесы. Город строился как некое произведение, созданное человеком на века.

Но потом человечество начало строить города из цемента и бетона, который рассыпается через несколько десятилетий. Это абсурд. Вам не важно, что будет через 50 лет? Необходимо взять

на себя ответственность.

Вы действительно хотите жить в рассыпающихся нынешних урбанистических мешках?»

БОЛЬШЕ О КИНО

Лариса Малюкова ведет телеграм-канал о кино и не только. [Подписывайтесь тут.](#)

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Кино на черном фоне](#)

Берлинале продолжается. Смотрим украинский бурлеск «Редакция» — про победу одного и того же фейка на выборах, и иранскую драму «Мой любимый торт» — про общество духовных скреп

16:35, 19 февраля 2024, Лариса Малюкова